

БЫКОВ А.В.

Елабуга

ЗАБЫТЫЙ КРИТИК – АКИМ ВОЛЫНСКИЙ

Литературный процесс включает в себя не только историю литературы, но и историю критики, хотя она и занимает периферийное место в нём. Пусть данная статья о забытом критике будет дополнением к основному содержанию сборника.

Аким Львович Волынский (Хаим Лейбович Флексер, уроженец Житомира, 1863 – 1926) - один из основателей религиозно-философской критики Серебряного века. Единственным солидным общероссийским журналом, в 1890-е годы целенаправленно печатавшим произведения символистов был «Северный вестник». Волынский был его идеологом и главным критиком. Помимо многочисленных статей в «Северном вестнике» он написал несколько значительных литературно-критических книг: «Русские критики» (1896), «Н.С. Лесков» (первая книга о творчестве этого писателя, 1898), «Достоевский» (1906). Также он изучал живопись (за книгу о Леонардо да Винчи (1898) Волынский был избран почётным гражданином Милана); во второй половине 1900-х годов стал одним из первых профессиональных балетных критиков, после революции основал Школу русского балета, написал книгу о технике и философии балета. Кроме того, с 1920 по 1926 год он являлся председателем правления Петроградского совета профессионального союза писателей.

И вот сейчас этого человека, когда-то стоящего в центре культурной жизни России, мало кто знает. Да, без упоминания имени Волынского не обходится ни одна академическая история русской литературы Серебряного века и большинство вузовских учебников. О его литературной критике написаны две диссертации [1,2]. Но и не более того. В целом он не актуален, не интересен, его литературная критика не переиздана, в отличие от многих других критиков того же времени, например, Д.С. Мережковского, которого можно назвать другом-соперником Волынского¹. А ведь в 1890-е годы Волынский был в более выгодном положе-

---

¹ Они одновременно стали проповедовать символизм, написали книги Леонардо да Винчи, о Достоевском; наконец, у Волынского были весьма близкие отношения с Зинаидой Гиппиус.

нии, в его распоряжении был журнал, у Мережковского не было постоянной трибуны для выступлений. Почему же сейчас о Мережковском знают очень многие, о Волынском – лишь единицы? Достоин ли Волынский такой участи? Стоит ли сейчас читать его работы? Таковы главные вопросы данной статьи.

Надо сказать, что большинство прижизненных оценок его критической деятельности и общее отношение к нему было в основном отрицательным. Например, выдающийся литературовед той эпохи С.А. Венгеров в книге «Русская литература XX века: 1890 - 1910» (1914), обобщив отношение к Волынскому либерально-демократической интеллигенции, написал о нём исключительно негативный очерк. Он писал: «Вся деятельность Волынского в «Северном вестнике» сводилась вообще к ожесточённой вражде» [3, с. 492]. Венгеров имел в виду книгу «Русские критики (1896)», в которой Волынский разоблачил и ниспроверг тех, кто являлся знаменем, иконой либеральной интеллигенции того времени - Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Волынский объявил, что эти критики не поняли истинного величия русской литературы, неправильно её оценили. Сейчас выясняется, что во многом он был прав, но тогда ему не простили то, что он сосредоточился в основном на недостатках, на ошибках, на разоблачении, мало сказав о достоинствах критиков-демократов. Исключительно негативный характер книги на многих произвёл столь сильное отталкивающее впечатление, что достоинства уже его собственных последующих книг замечать не хотели. Волынского заклеили как врага.

Волынский вообще был странной фигурой для того времени, он был одиночкой. Соединив в себе начала в конце XIX века несочетаемые - политический либерализм и фанатично проповедуемый философский идеализм и мистицизм, а также высокое самомнение и недоверие, даже ревность к другим мыслителям и критикам, подчас излишне прямолинейно и резко отстаивая свою весьма оригинальную и странную для других точку зрения, Волынский по-настоящему не сблизился ни с одной идейной группировкой своего времени. Воюя с материализмом либерально-демократической интеллигенции, проповедуя символизм, он не сошёлся ни с философами-идеалистами, близкими ему по мировоззрению (например, с В.С. Соловьёвым, В.В. Розановым), ни с самими символистами, обвинив их в том, что они ненастоящие символисты.

Волынский удивлял, а некоторых даже смешил необычной архаичностью своего мировоззрения. Казалось, что он явился из эпохи начала 19 века, эпохи романтизма и немецкого идеализма. С наивно-романтическим пафосом, странным возвышенно-приподнятым стилем он проповедовал веру в иной, высший, мистический мир, все лучшие проявления человека объясняя мистически, считая доброту и духовность вообще прямым проявлением мистического инобытия. Обескураживала именно наивная прямолинейность его мистицизма. Лишённый самоиронии, самокритики, каких бы то ни было сомнений, себя критик считал пророком высшей истины.

Стоя на своём пророческом пьедестале, Волынский сверху вниз смотрел на мелких современных ему писателей, наполняющих страницы журналов, и строго вопрошал: «Ради какой высокой цели сочиняются эти романы, повести?» [4, с. 69].

Такая позиция была смешна в то время, но сейчас она может показаться интересной и оригинальной, тем более, что вся мистика Волынского была насквозь пронизана проповедью добра и нравственности (и во имя этого добра он перессорился со всеми подряд, что в общем часто случается с подобными борцами). «Если есть одно только реальное бытие – бытие духовное, то есть только одно практическое дело – служение нравственному идеалу» [5, с. 214].

Смыслом жизни человека Волынский считал традиционно-христианское преодоление эгоизма и зла. Главное содержание жизни человека для него - борьба добра и зла. Причём, будучи наивным оптимистом, он полагал, что добро более глубоко укоренено в человеке и обязательно должно победить. «Что-то более глубокое звучит изнутри человека, как подводный колокол, призывая его к суровому суду над собою, но мягкому и сострадательному над другими». Это сердце человеческое - «крошечное окошечко в тот мир, откуда идёт вся вечно свежая прелесть добра» [6, с. 126-127]. Так что всё написанное этим странным человеком может иметь воспитательное значение.

Выступая как критик, Волынский в литературном произведении прежде всего старался увидеть борьбу добра и зла в душах героев, трактуя её мистически.

Главное достижение Волынского литературного критика – его книга «Достоевский», книга, вполне достойная переиздания сейчас. Даже по сравнению с многочисленными статьями, книгами,

посвящёнными религиозно-философской критикой Серебряного века творчеству великого русского писателя она уникальна, интересна и значительна. Книга Волынского представляет собой детальнейший пообразный анализ романов «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы». Критик проанализировал последовательно все значимые образы (образы героев) этих романов, комментируя все важнейшие их поступки. Всех героев он разделил на две группы: «богофобы» – ненавистники добра и бога, и «богофилы» – любящие добро и бога.

Книга хороша, потому что Волынский любил Достоевского. «Если бы не было таких великих безумцев, как Достоевский, человек не знал бы своей истинной глубины и, может быть, не ощущал бы с такой ясностью своей принадлежности к иным, высшим мирам. Нигде, как в произведениях Достоевского, нельзя так проследить мучительного состязания в самом человеке противоположных начал добра и зла, так сказать, богофильских и богофобских черт характера, борьбы демонской красоты и тихих откровенных сердца, - всего этого стремления души к бесконечному, вопреки могучим внутренним противодействиям» [6, с. 41].

Отрицательные герои Достоевского, «богофобы» в книге Волынского чётко делятся на два типа: 1) герои-идеологи, мыслители, у которых разум преобладает над чувствами и подавляет все лучшие проявления души и сердца (Раскольников, Иван Карамазов и др.); 2) герои-сладолюбивые, поведением которых управляют страсти, эгоистические стремления к плотским наслаждениям (Рогожин, Дмитрий Карамазов и др.).

В книге Волынского удалось показать глубину психологического анализа Достоевского, критик выявил разные уровни душевной и духовной жизни героев: явный, осознанный и скрытый, подсознательный; рациональное и иррациональное; разум и инстинкт сердца. Тонко проанализированы моменты, когда герои колеблются, сомневаются, совершают поступки странные, необъяснимые, неожиданные – как бы против своей воли (яркий пример – анализ образа Ивана Карамазова). Большинство трактовок Волынского в целом соответствует современному пониманию Достоевского и будет полезно. С другой стороны, взгляд Волынского часто весьма необычен для современного читателя и потому будет интересен.

Среди интересных интерпретаций – взгляд на образ Ставрогина

(«Бесы»). Этого героя Волынский считал самым жутким, безвозвратно пропащим богофобом, он напрочь лишён какой бы то ни было связи не только с богом, добром, но и с самой жизнью, он – живой мертвец, его лицо – застывшая маска, его сердце пусто. Более того, критик находит в тексте намёки не только на духовную, но и на физическую, а точнее сексуальную опустошённость Ставрогина. Его роман с Лизой – последняя и неудачная попытка преодолеть мужское бессилие и вернуться к жизни. Смущение Лизы после проведённой ночи Волынский объясняет разочарованием от любовной близости. В этом отношении со стороны Ставрогина могло быть «при банкротстве нормальных сил, одно только оскорбительное для Лизы фантазирование опытного, но слабосильного эротического беса» [6, с. 386]. Лиза «пришла к человеку, - и нашла маску, она пришла за горячими человеческими наслаждениями и восторгами, и нашла только осквернение своего естества» [6, с. 387]. Эта версия, хотя и не имеет подтверждения в тексте, но и не противоречит объективному смыслу романа, а лишь дополняет его. Импотенция Ставрогина есть лишь дополнительный штрих к его неспособности к искреннему чувству.

Гораздо более благосклонно Волынский отнёсся к Фёдору Павловичу Карамазову, также первостатейному богофобу, развратному отцу братьев Карамазовых. Его разврат, карамазовский разврат, в отличие от холодного ставрогинского разврата - эмоционально насыщен, «непосредствен, целен и даже в самом низменном, сладострастно жестоком бушевании совершается в каком-то соприсутствии с божеством. Тут падение в бездну, но тут и свободный полёт к небу» [3, с. 378]. Карамазовщина - это «пафос человеческой личности, в таком безумном стремлении продлить и распространить себя, что она должна уже неизбежно превзойти самоё себя, слиться - не только физически, но и психически - с кем-нибудь другим, иначе говоря, надломить свой эгоизм и вознестись над ним» [6, с. 377]. Разврат Фёдора Павловича Карамазова есть, хотя и извращённое, отвратительное, но проявление жизнелюбия, он любит жизнь и в своём разврате способен, хотя и кратко, грязно, но полюбить другого человека, Ставрогин и этого лишён. Непосредственным последователем Волынского в этом вопросе выступил выдающийся русский религиозный философ Л.П. Карсавин, который в статье «Фёдор Павлович Карамазов как идеолог любви» (1921) выступил с реабилитацией, частичным оправданием карамазовской любви,

которая выглядит более живой, реально-конкретной, чем абстрактная любовь Зосимы ко всем и ни к кому конкретно [7, с. 264-277].

Интересно и то, что Волынский в отличие от большинства критиков и литературоведов обратил серьёзное внимание на женские образы Достоевского, которые вообще очень редко подвергались анализу. Например, Н.А. Бердяев считал их несамостоятельными фигурами, лишь «моментами» в судьбе мужчины. «По истории женской судьбы нельзя проследить человеческой личности» [8, с. 82-83]. Волынский доказал, что можно.

Женские образы - Настасья Филипповна («Идиот»), Грушенька и Катерина Ивановна («Братья Карамазовы») – проанализированы им как яркие примеры судьбы человека вообще. В них, как и во всех других героях Достоевского идёт непрерывная борьба добра и зла.

Меньше всего Волынскому понравилась Катерина Ивановна, невеста Дмитрия, в ней он совсем не увидел глубины, ни человеческой, ни мистической. Она только человек, а «человек ужасно бессилён, обидно мал, когда он остаётся только человеком» без приобщения «к иным, высшим мирам» [6, с. 143]. Зато Настасья Филипповна и Грушенька вызвали огромный интерес и в какой-то мере симпатию критика как яркие представительницы особого типа женщин, обладающих яркой, демонической, inferнальной красотой, обжигающей людей, пробуждающей злые страсти.

С одной стороны, и Настасья Филипповна, и Грушенька – великие грешницы, находящиеся во власти своего безмерного эгоизма, inferнальной гордыни. В этой гордыни есть необыкновенная привлекательная сила, возвышающая их над обычными людьми, эту силу передал в своей книге Волынский. Так в знаменитой сцене сжигания денег Настасья Филипповна, «земное божество Рогожина, его королева, возносится вместе с ним на головокружительную высоту над всеми, кто окружает их». «В презрении к мелким людям» видна «настоящая красота, всеочарывающая и всепобеждающая земная сила, которая кажется на мгновение полнотой и совершенством человеческой души» [6, с. 89-90]. Так Грушенька торжествует над обыкновенной Катериной Ивановной. Когда та пытается её уговорить отказаться от Дмитрия, ласкает, целует её руки, Грушенька прикидывается наивной и на все согласной. «Но вот настало решительное мгновение, и эта дикая кошка, эта пантера, неожиданным изгибом своей inferнальной нату-

ры, выпрыгивает из засады и опрокидывает свою очень честную и не очень умную жертву» [6, с. 108]. В последний момент она демонстративно отказывается поцеловать руку усыпленной соперницы. Волынский явно восхищён демонической силой Грушеньки.

С другой стороны, в них живо и доброе начало, видна живая душа. Оно раскрывается в их бессознательной тяге к богофилам, образам воплощающим у Достоевского идеал добра: Мышкину и Алёше Карамазову. Волынский как критик, тонко чувствующий роль детали, обратил внимание на то, почему Настасья Филипповна при первой встрече с Мышкиным, прежде никогда его не видя, как будто узнаёт его. Критик объясняет это так: она «давно уже искала в жизни человека, который был бы близок тоскующему ангелу её души. Самые черты его лица, отражающие его светлую природу, показались ей знакомыми» [6, с. 47]. Точно также и Грушенька тянется к Алёше и одновременно боится его, поскольку он и тревожит её совесть, пробуждает то, что она хочет скрыть.

Зло и добро непрерывно борются в душах обеих героинь, и это рождает их глубокий трагизм. Разница между ними в том, что в Настасье Филипповне добро не может окончательно победить зло, она постоянно пребывает в состоянии трагического разлада. Вся жизнь её проходит в метаниях между Мышкиным и Рогожиным, в вихре страстей и страданий. «Она пройдёт жизнь до конца - со смехом на устах и слезами, дрожащими на ресницах» [6, с. 48].

История Грушеньки, наоборот, есть история укрепления и окончательной победы добра в её душе. «Грушенька открывается во всей своей духовной красоте» [6, с. 116] во время пьяного разгула в Мокром. Критиком отмечено его сходство с языческими, «дионисийскими» ритуалами. Танец Грушеньки, блаженство опьянения – всё это символы торжества её души, религиозного возрождения. «Она внезапно увидела себя, среди всеобщего кружения, в своей настоящей глубине, в той глубине, где все души хороши, где все велики в своей малости, где все чувствуют на себе чью-то незримую ласку - ласковое прикосновение божества» [6, с. 118]. И с этого момента она «сияет высшим светом, высшей красотой» [6, с. 121].

В лучшей книге Волынского много достоинств, но есть и недостатки. Важнейший – значительная доля схематизма, когда некоторые интерпретации подстроены под теоретическую схему. Например, при

разборе образов «богофобов-идеологов» Волынский упрямо сводит доброе их начало только к бессознательным, но глубоким инстинктам сердца, а зло видит только в их сознании, разуме, логике. Хотя при чтении романов Достоевского становится ясно, что в душах Раскольникова, Ивана Карамазова зло проявляется и как непосредственное чувство, как презрение и даже ненависть к людям, к обществу. А уже на основе этих негативных чувств, а также гордости, самолюбия вырастают их бесчеловечные теории.

В любом случае, в 1906 году книга прошла почти незамеченной. В.В. Розанов писал, что эта «учёная», «в высшей степени добросовестная» книга не оказала на русское общество никакого влияния. Тем не менее, он считал, что со временем её оценят [9].

Итак, прижизненная недооценённость книги и вообще литературной критики Волынского во многом связана прежде всего с его неуживчивым, вздорным характером, с его слишком оригинальным, странным и даже смешным для многих взглядом на жизнь и литературу. А прижизненная оценка повлияла и на отношение к нему после смерти (тем более, что в советское время он был явно не ко двору). Но сейчас, когда все эти критики давно ушли, осталось лишь написанное ими, мы можем сказать, что забвение Волынского, отсутствие его переизданий, хотя и закономерно, но не совсем справедливо. Он был бы интересен именно своей необычностью, оригинальностью. В общем, было бы неплохо, если б лучшую книгу Волынского «Достоевского» переиздали, и, может быть, в нашем понимании Достоевского и мира в целом добавилась бы ещё одна краска.

Примечания

1. Быков, А.В. Интерпретация русской критики и литературы в работах А.Л. Волынского: : Дисс...канд.филол.наук / А.В. Быков. – Казань, 2004. – 242 с.

2. Зверева, Ю.В. Философская критика 90-х годов XIX века (на материале статей Ю.Н. Говорухи-Отрока и А.Л. Волынского): автореф. дисс... канд.филол.наук / Ю.В. Зверева. – Пермь, 2006. – 22 с.

3. Венгеров, С.А. Волынский / С.А. Венгеров // Русская литература XX века: 1890 - 1910. Т.1 / Под ред. С.А. Венгерова. - М.,

2000. – С. 490 – 502.

4. Волынский, А.Л. (рец. на книгу) Вас. И. Немирович-Данченко. Майор Бобков и его сироты / А.Л. Волынский // Северный вестник. – 1893. - № 10. – С. 69–74.

5. Волынский, А.Л. Нравственная философия гр. Льва Толстого / А.Л. Волынский // Северный вестник. - 1891. - № 10. – С. 185–215.

6. Волынский, А.Л. Достоевский / А.Л. Волынский. – СПб., 1906. – 501 с.

7. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881 - 1931 годов: Сб. - М.: Книга, 1990. – 432 с.

8. Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев // Н.А. Бердяев о русской философии. Ч.1 / Н.А. Бердяев. - Свердловск, 1991. – С. 26–148.

9. Розанов, В.В. (рец. на книгу) А.Л. Волынский. Достоевский / В.В. Розанов // Критическое обозрение. – 1909. - № 5. – С. 37-41.